

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

ПОВЕДЕНИЕ СРЕДНИХ ДЕРЖАВ В МНОГОСТОРОННИХ ИНСТИТУТАХ

ОПЫТ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ В ООН

ЕЛЕНА МАСЛОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Институт Европы РАН, Москва, Россия

ГЛЕБ ИВАНОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу поведения средних держав в многосторонних институтах на примере политики Италии в ООН. С помощью поведенческого подхода авторы подчёркивают ключевое значение многосторонних институтов для подобного типа государств. Политика государств среднего уровня в многосторонних институтах имеет отличительные характеристики, одной из которых является когнитивное искажение, состоящее в склонности к переоценке собственного влияния в многосторонних институтах, а также в преобладании видимой активности над реальными результатами. В научной литературе этот феномен, выражающийся в преобладании видимой активности над реальными результатами, называют «самообманом». Существуют исследования, отражающие вывод, что политика Италии во времена Первой Республики (до середины 1990-х годов) являлась «политикой самообмана» для итальянского правительства; авторы настоящей статьи отталкиваются от этой идеи и ставят перед собой исследовательскую задачу по оценке современной политики Италии на площадке ООН (1991–2023), для которой мультилатерализм и опора на многосторонние институты продолжают оставаться одним из столпов внешней политики страны и её приоритетом. При этом авторы не подвергают сомнению статус Италии как средней державы. Используется компаративный графический анализ среднего совместного голосования «против» при голосовании «против» одной из европейских стран в ГА ООН (Италия, Германия, Испания, Франция). Анализ позиции Италии в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН показывает, что активное участие Рима в работе этих органов не выделяет страну из ряда других ведущих европейских государств, а продвижение инициатив по приоритетным темам зачастую не приводит к практическим результатам. Таким образом, подвергается сомнению тезис о способности Итальянской Республики укрепить свой статус при помощи ООН, как об этом заявляет итальянское руководство. Политика Италии в ООН отражает не только национальную специфику, но и общие тенденции поведения государств среднего уровня в многосторонних институтах, связанные с искажённой оценкой своего влияния в международных организациях.

Ключевые слова:

средние державы; многосторонние институты; Италия; внешняя политика Италии; ООН; мультилатерализм

Авторы благодарят двух анонимных рецензентов и редакторов журнала за ценные замечания, которые помогли улучшить статью.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2023

Дата принятия к публикации: 13.05.2024

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: e.maslova@inno.mgimo.ru

Многосторонние институты рассматриваются средними державами как платформа для защиты собственных интересов, обеспечения безопасности и ограничения влияния великих держав. Примечательно, что характеристики, на основании которых исследователи обычно выделяет категорию «держав среднего уровня», имеют положительную коннотацию (коалиционная активность, стремление к консенсусу). Во многом это связано с тем, что политика этих государств направлена на реализацию национального интереса в условиях ограниченного влияния и ресурсов, в связи с чем многосторонним форматам взаимодействия уделяется особенное внимание. Подобные обстоятельства содержат в себе потенциальные риски, ключевым из которых может стать искажённая оценка собственных достижений в рамках многосторонних институтов. Современные исследователи обратили внимание на эту особенность при анализе поведения средних держав сравнительно недавно. Например, в своей работе 2018 г. Харалампиос Эфстатопулос на примере Бразилии и ЮАР доказывает, что у некоторых держав, считающихся средними, наблюдается несоответствие между декларируемыми целями, статусом и реальным влиянием [Efsthathopoulos 2018: 12–14, 19, 26].

Схожим образом на несоответствие реальных результатов и усилий этих держав обращает внимание канадский исследователь Брюс Гилли. Он указывает на «манию величия» в качестве присущего средним державам когнитивного искажения. Учёный подчёркивает, что её источником является не только недовольство этих стран собственным статусом и, соответственно, стремление его изменить, но и преувеличение собственных достижений. Как утверждает Б. Гилли, «средние державы не стремятся действительно решить какую-либо международную проблему, а, наоборот, пытаются найти проблему, к которой

можно было бы применить готовые решения». Многочисленные инициативы таких государств чаще всего не несут реальной значимости для международного сообщества и, скорее, предоставляют им лишь возможность «почувствовать себя нужными» [Gilley 2016: 657].

Изначально стремившиеся к повышению статуса через инструмент многосторонних институтов державы среднего уровня со временем стали воспринимать активное участие в них как самоцель. Этот вывод подтверждается, в частности, позицией Г. Эванса, который видит в многосторонней политике не нечто «отдельное от национальных интересов», а «третью категорию национальных интересов, помимо экономики и безопасности» [Mo 2016: 588]. Сомнения в эффективности политики в многосторонних институтах отмечались, в частности, в отношении таких стран, как Индия, Индонезия, Мексика [Hurrell 2000: 5; Emmers 2018: 46]¹. Декларируя своё «моральное превосходство» и «ответственность за мировой порядок», Австралия и Канада также оказываются среди государств, демонстрирующих диспропорцию между вниманием, которое они уделяют многосторонним институтам, и реальными результатами [Niche Diplomacy 1997: 7].

Авторы полагают, что всеобъемлющая опора на многосторонние институты как отличительная черта политики средних держав несёт в себе риски, ключевым из которых может стать искажённая оценка собственных достижений в рамках многосторонних структур. Отсутствие рефлексии и абсолютная убеждённость государств в соответствии любых многосторонних инициатив своим национальным интересам позволяет говорить о феномене самообмана, которому оказываются подвержены державы среднего уровня.

Проблема самообмана уже изучалась для описания схожих процессов в международных отношениях, но на уровне лиц, при-

¹ Hurrell A. Some Reflections on the Role of Intermediate Powers in International Institutions / Paths to Power: Foreign Policy Strategies of Intermediate State // Latin American Program, Woodrow Wilson International Center for Scholars. 2000. P. 5.

нимающих решения. Роберт Джервис первым рассмотрел влияние когнитивных искажений на внешнюю политику государств. В частности, под самообманом он подразумевает попытку субъекта убедить самого себя в правильности своего же решения [Jervis 2006: 659]. К этому термину обращается и Джон Миршаймер, приравнивая его к вере общества в сформированные им мифы об основах и принципах политики собственного государства [Mearsheimer 2011: 94]. Эти мифы представляют собой не исторические нарративы, а политические идеи или концепции, лежащие в основе идентичности государства. Исходя из вышеизложенного, авторы предлагают использовать термин «самообман» применительно к формированию непреложных принципов, к которым государство неизменно обращается, невзирая на несоответствие результатов заявленным целям своей политики.

Учитывая, что в контексте дискуссии о поведении средних держав на международной арене европейским государствам уделяется незначительное внимание, предлагается рассмотреть данную гипотезу на примере политики итальянской Республики в ООН. Авторы исходят из допущения о том, что Италия соответствует категории державы среднего уровня в соответствии с поведенческим подходом. Утверждение о пассивном характере итальянской политики в ООН, лишшающее, по мнению некоторых исследователей, это государство статуса средней державы [The European Union at the United Nations 2006: 72], не соответствует реальности и опровергается в настоящей статье.

Яркой демонстрацией опоры этой страны на многосторонние институты, что, согласно триаде Рональда Берингера², является ключевой характеристикой державы среднего уровня, выступает фундаментальный для итальянской внешней

политики принцип мультилатерализма. Он имплицитно нашёл отражение в послевоенной Конституции Итальянской Республики (статья 11): «Италия отвергает войну как инструмент посягательства на свободу других народов и как способ разрешения международных споров; она допускает, на условиях взаимности с другими государствами, ограничение суверенитета, необходимое для установления мира и справедливости между народами; поддерживает и поощряет деятельность международных организаций, стремящихся к этим целям»³. Мультилатерализм выступает, таким образом, для Италии методом разрешения кризисных ситуаций и конфликтов.

Одним из столпов итальянского многостороннего сотрудничества, наряду с ЕС и НАТО, является ООН. Итальянская Республика подчёркивает важность этой организации как площадки, вокруг которой строится современный мировой порядок. В то же время Рим воспринимает ООН не только как инструмент глобального управления, но и реализации собственных национальных интересов. Несмотря на разногласия по конкретным аспектам итальянской внешней политики, политические лидеры страны выражают глубокую приверженность принципу мультилатерализма, основанного на незаменимой роли ООН, и считают его основополагающим со времён окончания Второй мировой войны. В итальянском политическом дискурсе мультилатерализм как отдельное понятие впервые был упомянут в 1988 г. во время выступления в Генеральной Ассамблее ООН Джулио Андреотти, занимавшего тогда пост министра иностранных дел; до этого Альчиде Де Гаспери, Аминторе Фанфани, Альдо Моро и другие премьеры выделяли особую роль ООН как инструмента установления и поддержания

² О триаде Р.Берингера см. далее (раздел «Подходы к исследованию средних держав в международных отношениях»).

³ Senato della Repubblica. URL: https://www.senato.it/sites/default/files/media-documents/Constituzione_RUSSO.pdf. Статья 11 Конституции Итальянской Республики 1948 г. не исправлялась и/или не дополнялась с момента основания Республики.

мира, преодоления противоречий между странами.

Столь явная опора на многостороннюю политику делает Италию показательным примером средней державы для анализа когнитивных искажений, присущих этой категории государств во внешней политике. Достаточно взглянуть на историю страны после 1945 года, чтобы убедиться в наличии дисбаланса между усилиями и результатами итальянской политики в многосторонних институтах — отправной точки для анализа самообмана.

После окончания Второй мировой войны Рим стремился активно включиться в работу международных институтов и стать членом различных международных организаций. Между тем зачастую это присутствие не приносило ощутимых или желаемых результатов [Romero 2016: 7–8]. В этой связи в итальянском экспертном сообществе широко распространилась идея, что политика страны в международных организациях не всегда «реальна» [Silvestri 1997: 75]. Одним из первых это наблюдение сделал итальянский посол Пьетро Куарони (1898–1971) [Baldi 2014], назвав членство Италии в международных организациях «политикой нагретого кресла» (итал. *politica del sedere*). Итальянская Республика проводила политику присутствия, направленную на активное вовлечение итальянской дипломатии в разрешение конфликтов в качестве посредника. Известно, что благодаря усилиям по восстановлению мира и примирению сторон в ходе войны США во Вьетнаме (1964–1975) Рим рассматривался в качестве площадки для проведения мирных переговоров [Салаконе 2017: 92, 100].

Авторы полагают, что политика Италии в постбиполярный период, как и во времена Первой Республики (1946 – первая половина 1990-х), оказалась заложницей самообмана, когда активная деятельность страны на платформе ООН не приводит к результатам, которые бы пропорцио-

нально повышали престиж Рима в многосторонних институтах.

Для изучения политики Итальянской Республики в Организации Объединённых Наций применяются количественные методы исследования, представленные статистическим и графическим анализом. Графики, приведённые ниже, составлены авторами по данным Цифровой библиотеки ООН⁴. Наиболее важным с методологической точки зрения представляется компаративный графический анализ среднего совместного голосования «против» при голосовании «против» одной из европейских стран в ГА ООН (Италия, Германия, Испания, Франция). Данный метод, как предполагается, позволяет не только оценить степень консолидации при голосовании с той или иной страной, но может также использоваться для оценки уровня независимости позиции страны, способности отстаивать национальные интересы или, напротив, идти на уступки в поисках компромиссных позиций.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 по 2023 год. Выбор периода обусловлен в первую очередь различным характером взаимодействия между государствами во время и после «холодной войны» [Вершинина 2020: 27]. Для анализа поведения средних держав во второй половине XX века потребовался бы учёт дополнительных факторов в виде ограничений, возникающих из-за блоковой дисциплины и идеологического противостояния. В этой связи возможности держав среднего уровня проводить свою политику в многосторонних институтах до и после 1991 г. представляются неодинаковыми. Кроме того, изменившийся внешнеполитический контекст значительно отразился и на повестке главных органов ООН, о чём среди прочего свидетельствует доклад Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали 1992 г. «Повестка дня для мира» [Boutros-Ghali 1992]. Это ограничение делает проблематичным учёт резолюций, которые

⁴ United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/?ln=en> (дата обращения: 01.05.2022).

не вписываются в указанные хронологические рамки, а также их сопоставление с документами, составленными в пост-биполярный период.

Статья организована следующим образом. Сначала раскрываются подходы к пониманию категории «средней державы», которой соответствует Италия. Особое внимание уделяется характеристикам, которые являются отличительными для этой группы государств, и, в частности, месту многосторонних институтов в их внешней политике. В силу ограниченности собственных ресурсов и опираясь на принцип мультилатерализма, Италия, как и другие средние державы, стремится укрепить свой статус через участие в многосторонних институтах, прежде всего ООН. Деятельности организации уделяется большое внимание со стороны итальянского истеблишмента, более того, в официальных документах присутствует точка зрения об уникальности итальянского вклада в работу данной организации. В отдельных разделах авторы рассматривают деятельность Италии в двух ключевых органах ООН — Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности.

Подходы к исследованию средних держав в международных отношениях

Категория «средняя держава» широко применяется для ранжирования государств начиная со второй половины XX века. Между тем история появления этого термина берёт начало ещё во времена Возрождения и раннего Нового времени. Считается, что одним из первых, кто ввёл его в научный оборот, был итальянский мыслитель и дипломат Джованни Ботеро (1544–1617)⁵. В работе от 1589 г. «О государственном интересе» (“*Della ragion di stato*”) он выделяет три типа государств: великие, малые и средние. Если великие державы, согласно Дж. Ботеро, «обладают значительным влиянием на своих соседей», то средние — «достаточным влиянием

и силой для обеспечения собственного существования, не прибегая к помощи других стран» [Botero 1590: 1–2].

Наиболее обстоятельно иерархия государств и роль средних держав в международных отношениях начали изучаться после окончания Второй мировой войны. Рубежным этапом стала разработка Устава ООН на конференции в Сан-Франциско в 1945 году, когда представители Канады и Австралии впервые подняли вопрос о роли держав среднего уровня в будущем миропорядке. Годом ранее, выступая перед Палатой общин, премьер-министр Канады Маккензи Кинг отметил, что «деление мира на “великие державы” и всех остальных не соответствует реальности и опасно по своей сути». Что касается состава будущего Совета Безопасности ООН, он подчёркивал необходимость функционального подхода и включения в него тех стран, которые «больше всех способствуют поддержанию мира» [Glazebrook 1947: 308]. К ним глава правительства Канады относил именно державы среднего уровня [Thies, Angguntari 2018: 398]. С того момента данный концепт начинает привлекать внимание исследователей, стремящихся осмыслить новую систему международных отношений и задумывающихся как о роли статуса в сообществе государств, так и о мировой иерархии [The European Union at the United Nations 2006: 71].

Взросшая актуальность темы потребовала выработки критериев средней державы. Американский политолог Рэндалл Швеллер отмечает, что, как правило, учёные определяли такие страны с помощью доказательства «от обратного». Поскольку эта группа государств неоднородна по своему составу, намного проще выявить, чем они не являются. Методологический аппарат исследований по теме великих держав представляется более развитым, а малые государства являются интуитивно понятной категорией⁶.

⁵ Schweller R. The Concept of Middle Power // *The Korean Pivot: The Study of South Korea as a Global Power* / ed. by V. D. Cha, M. D. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2017. P. 3.

⁶ Ibid. P. 4.

К 2020-м годам были выработаны различные подходы к изучению держав среднего уровня. В частности, канадский учёный Адам Чапник выделяет функциональный, поведенческий и иерархический подходы [Charnick 1999: 73]. В. В. Вершинина отмечает устаревший характер функциональной модели, применявшейся в 1950-х годах, отдавая предпочтение конструктивизму [Вершинина 2020: 33]. Сара Тео также рассматривает три подхода, но в зависимости от того, что выступает объектом анализа: материальные возможности государств, поведение или идентичность. С её точки зрения, их следует соотносить с тремя направлениями теории международных отношений — неореализмом, неолиберализмом и конструктивизмом соответственно [Тео 2023: 14–23]. Противоположного мнения придерживается Эндрю Карр, который добавляет к триаде А. Чапника идеациональный подход. Согласно ему, статус средней державы выступает в качестве «политического конструкта» [Carr 2014: 75–76].

Несмотря на различия в понимании категоризации этих стран, исследователи в целом схожим образом описывают магистральные направления их изучения. Иерархический подход доминировал в послевоенный период и представлен в первую очередь трудами датского исследователя Карстена Хольбраада [Holbraad 1971; 1984: 75, 79]. Для определения средних держав в иерархии государств он использовал количественные показатели, такие как уровень ВВП или численность населения страны. Именно к такой исследовательской стратегии во многом обращена критика Р. Швеллера. Он подчёркивает, что отдельные государства могут, в частности, обладать выдающимися показателями в области экономики, но при этом всё равно оставаться малыми в силу размера своей территории⁷. Подбор показателей для ранжирования стран оказывается край-

не субъективным. Учёные чаще всего используют иерархическое деление в качестве дополнительного инструмента [Aydin 2021: 1379].

Конструктивистский, идеациональный (по Карру), или, иначе, идентитарный, подход обращается к самоидентификации страны как средней державы и характеризует данный статус как социальный конструкт. Он активно применяется в тех политиях, где сам термин «средние державы» используется в публичном дискурсе, например в Канаде и Австралии [Efsthathopoulos 2018: 4].

Поведенческий подход остаётся наиболее популярным и представлен в первую очередь такими исследователями, как Эндрю Купер, Роберт Кокс и Джон Холмс⁸. Здесь также стоит упомянуть бывшего премьер-министра Австралии Гарета Эванса, выступавшего за него. В коллективной монографии «Нишевая дипломатия» Э. Купер отмечает, что в силу ограниченности ресурсов характерной чертой любой средней державы является наличие определённой, достаточно узкой («нишевой») сферы деятельности, где эта страна принимает наиболее активное участие [Niche Diplomacy 1997: 6]. К данному тезису апеллировали функционалисты по классификации А. Чапника, который тем не менее лишь подчёркивал значимость многосторонних институтов для средних держав и успешность их политики в некоторых функциональных областях [Charnick 1999: 74]. Эти пересечения позволяют говорить о единстве парадигмальной линии и отсутствии концептуальных противоречий между функционализмом, по А. Чапнику, и поведенческим подходом.

Согласно Э. Куперу, классификация держав среднего уровня должна основываться не на их субъективной самоидентификации, а на имеющихся у этой группы государств общих поведенческих особенностях, которые отличают их от других

⁷ Schweller R. The Concept of Middle Power // The Korean Pivot: The Study of South Korea as a Global Power / ed. by V. D. Cha, M. D. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2017. P. 3.

⁸ Более подробно о поведенческом подходе см.: [Тео 2023: 13–30].

субъектов. Р. Кокс, перефразируя известного драматурга Луиджи Пиранделло⁹, утверждает, что «средняя держава — это роль в поисках исполнителя» [Cox 1989: 827]. Тот факт, что та или иная держава причисляется к среднему уровню, не является абсолютным и аксиоматичным отношением. Исходя из трансформации международной среды будет меняться поведение государства и, как следствие, его статус [Efsthathopoulos 2018: 5].

В условиях доминирования поведенческого подхода в научном сообществе сформировалось общее видение тех характеристик, которые отличают политику средних держав от государств другого уровня. В зарубежной литературе для обозначения этого уникального набора характеристик, как правило, используется термин «среднедержавность» (*middlepowermanship*), придуманный Р. Коксом [Cox 1989: 825]. Другой вариант, представляющий собой квинт-эссенцию атрибутов державы среднего уровня, был предложен Дж. Холмсом. Он отмечает, что, согласно поведенческому подходу, дипломатия этих стран определяется тенденцией к поиску многосторонних решений международных проблем, а также выдвижением компромиссных позиций в спорах между государствами с опорой на концепцию «доброго гражданина» международной системы (*good international citizenship*) [Holmes 1984: 388; The European Union at the United Nations 2006: 72]. Г. Эванс понимает под ней убежденность в необходимости и эффективности «совместного с другими странами решения международных проблем»¹⁰ [Mo 2016: 588].

Исходя из этих идей, Рональд Берингер выделяет три основных постулата, на которые опираются исследователи, придерживающиеся поведенческого подхода [Behringer 2013]. Первым является убеждение в том, что в условиях ограниченных ресурсов средние державы будут стремить-

ся к эффективному лидерству в отдельной области. Этот тезис соответствует концепции «нишевой дипломатии» Э. Купера и функционалистским идеям. Вторым постулатом Р. Берингер считает тенденцию держав среднего уровня использовать «мягкую силу», тактические приёмы дипломатии и репутацию для продвижения своего внешнеполитического курса, что соответствует концепции «доброго гражданина» Дж. Холмса и Г. Эванса. Третьей ключевой характеристикой поведения этих государств, согласно Р. Берингеру, является опора на многосторонние институты.

Ряд исследователей сходится во мнении, что в центре политики средних держав чаще всего стоят международные институты и многосторонняя дипломатия. Ещё в 1969 г. Роберт Кохейн дал определение самому термину «держава среднего уровня» именно через политику в институтах: «Речь идёт о государстве, лидеры которого полагают, что оно не может эффективно действовать в одиночку, но имеет возможность оказывать системное влияние в небольшой группе государств или через международные институты» [Keohane 1969: 295]. Как подчёркивает Э. Купер, это утверждение всё ещё остаётся актуальным [Niche Diplomacy 1997: 8].

Таким образом, среди трёх исследовательских традиций именно поведенческий подход акцентирует внимание на наличии у средних держав особого отношения к многосторонней политике. Этой характеристике, как отмечалось ранее, соответствует и Италия, внешнеполитическая константа которой — опора на международные институты. Тем не менее в интерпретации представителей поведенческого подхода все атрибуты «среднедержавности» носят положительную коннотацию, что позволяет этой категории государств успешно отстаивать свои интересы. Опираясь на тезис Х. Эфстатопулоса об отли-

⁹ Луиджи Пиранделло (1867–1936) — итальянский драматург, писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1934). Автор пьесы «Шесть персонажей в поисках автора» (1921).

¹⁰ Tabling Statement by Senator Gareth Evans, Minister for Foreign Affairs and Trade, Ministerial Statement on Australia's Regional Security, The Senate, 6 December 1989.

чительных «негативных» характеристиках, авторы предлагают подробно остановиться на политике Италии в ООН и изучить, насколько она подвержена феномену самообмана.

Деятельность Италии на платформе Совета Безопасности ООН

Результаты политики Италии в ООН можно оценивать как соответствующие целям в случае, если её инициативность — уникальный феномен на фоне других государств, если увеличивается поддержка позиции Рима при голосовании вследствие её политического влияния и если принимаются ключевые предложения, способствующие продвижению национальных интересов.

По данным Цифровой библиотеки ООН, в Совете Безопасности ООН (СБ ООН) из 70 проектов резолюций, предложенных страной с 1991 года, когда она являлась непостоянным членом, были отклонены лишь три проекта, касавшиеся химического оружия на территории Сирии в 2017 г. В отношении проектов резолюций, инициатором которых выступала Италия, голосовали «против» и воздерживались лишь Россия и Китай¹¹. Практически все проекты предлагались в рамках коалиций, в состав которых наряду с Италией обязательно входили США или ведущие страны Европы — Великобритания, Франция и Германия.

Исключением стали лишь два документа 2017 года, касающиеся миссии ЕС в Боснии и Герцеговине и миротворческих миссий ООН — их Италия предложила единолично. Важно отметить, что Итальянская Республика никогда не была самым активным непостоянным членом СБ ООН за время

участия в его сессиях с 1991 года. В 1995 и 1996 годах инициатором наибольшего количества проектов выступила Германия, в 2007 г. — Словакия, в 2008-м — Бельгия, а в 2017-м — Япония. Тем не менее Италия из года в год занимала второе место единолично или делила его с другими странами.

Представляется спорным утверждение, встречающееся в официальных парламентских докладах¹², что политика Рима в СБ ООН обладает уникальными параметрами и достижениями, которые бы отличали её от других непостоянных членов Совета Безопасности. Несмотря на высокие показатели по количеству принятых проектов резолюций, практически все они были составлены с другими европейскими государствами (Германией, Францией) либо со страной, обладающей большим влиянием на мировой арене, например с США. Таким образом, невозможно достоверно подтвердить, что тот или иной проект был принят именно благодаря итальянской стороне. Показатель активности Италии, к которому апеллирует МИД страны со ссылкой на многочисленные инициативы, предложенные итальянской стороной в СБ ООН¹³, не выделяет её из ряда других развитых и европейских стран.

Одной из приоритетных тем Итальянской Республики в СБ ООН остаётся вопрос миротворческих операций. Активная заинтересованность итальянского правительства в их проведении подтверждается не только заявлениями высокопоставленных дипломатов. Факт признания другими государствами—членами СБ ООН заслуг Италии в области миротворчества наиболее ярко прослеживается на примере ливанского вопроса в 2007 году. [Маслова

¹¹ До Сирии — по вопросам Югославии в 1995–1996 годах.

¹² Partecipazione alla LXXII Assemblea generale delle Nazioni Unite (New York, 18–22 settembre 2017). Dossier, Servizio Studi. XVII Legislatura, Senato della Repubblica n. 37, Camera dei deputati n. 314 // Senato della Repubblica. URL: <https://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/01044921.pdf> (дата обращения: 01.05.2022). 141 p.

¹³ L'Italia e L'ONU // Rappresentanza Permanente dell'Italia. ONU — New York. URL: https://italyun.esteri.it/rappresentanza_onu/it/l_italia_e_l_onu (дата обращения: 01.05.2022); L'azione dell'Italia alle Nazioni Unite. Pace e sicurezza // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: https://www.esteri.it/it/politica-estera-e-cooperazione-allo-sviluppo/organizzazioni_internazionali/onu/italia_nazioni_unite_pace_sicurezza/ (дата обращения: 01.05.2022).

2011]], в ходе которого Рим инициировал два проекта резолюций по продлению миссии ООН и созданию специального трибунала. В то же время итальянский генерал Клаудио Грациано при согласии СБ ООН был назначен Генеральным секретарем ООН на должность командующего Временными силами ООН в Ливане, которую он занимал с 2007 по 2010 год¹⁴.

Некоторые представители академического сообщества (Фабрицио Котиккья, Андреа Руджери) ставят под сомнение эффективность политики страны в области миротворчества. Они отмечают, что с окончания «холодной войны» одним из ключевых элементов итальянской оборонной политики был двухпартийный консенсус по вопросу участия в миротворческих операциях. Палата депутатов тратила минимальное время на принятие законопроектов о задействовании вооружённых сил Италии в миротворческих миссиях. В отсутствие критериев необходимости участия в миротворческих операциях и адекватной оценки их результатов страна задействовала свои силы за пределами традиционных регионов итальянского интереса, расходуя значительные средства (Афганистан представляет собой самую значимую интервенцию, когда-либо проводившуюся итальянскими войсками, в том числе с точки зрения понесённых расходов)¹⁵.

Миротворческая деятельность Рима неизменно была связана с продвижением национальных интересов и повышением престижа страны. Вместе с тем она не приводила к укреплению статуса Италии на мировой арене. Ярким примером пред-

ставляются выборы в СБ ООН. Принято считать, что активное участие в миротворческих операциях является одним из важных факторов при голосовании за постоянных членов. Италия избиралась в состав СБ ООН семь раз, в то время как Колумбия, Аргентина и Бразилия – семь, девять и десять раз соответственно. Эти три страны вносили меньший вклад не только в миротворческую деятельность, но и в целом в бюджет ООН¹⁶. Таким образом, наблюдается несоответствие между масштабом миротворческой деятельности Италии и результатами, к которым она приводит. С выводами Ф. Котиккья и А. Руджери частично согласилось и Министерство иностранных дел и международного сотрудничества Итальянской Республики. В докладе группы стратегического планирования отмечена необходимость разработки критериев участия страны в миротворческих миссиях, например *UNIFIL*¹⁷, для продвижения национальных интересов. Тем самым звучал призыв отказаться от «миротворчества ради самого миротворчества»¹⁸.

Тем не менее, если в случае с миротворчеством проблемой являлся неотрефлексированный и/или неартикулированный политический консенсус, то ключевые инициативы Италии в области миграции не привели к положительным результатам из-за внутривластных разногласий. Парадоксальная ситуация произошла с Глобальным договором о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (*Global Compact for Migration*) от 2018 года. Хотя главным инициатором разработки этого документа с 2016 г. была именно Италья-

¹⁴ General Claudio Graziano visits UNIFIL // United Nations Interim Force in Lebanon. 11.03.2014. URL: <https://unifil.unmissions.org/general-claudio-graziano-visits-unifil> (accessed: 01.05.2022); Letter dated 19 January 2007 from the President of the Security Council addressed to the Secretary-General // United Nations Security Council. S/2007/27. 19.01.2007. (accessed: 01.05.2022).

¹⁵ Coticchia F., Ruggeri A. An International Peacekeeper. The Evolution of Italian Foreign and Defence Policy // IAI Papers, 2022. P. 11–12.

¹⁶ Abbondanza G. Italian Peacekeeping Missions: Vast, Praised and Underused // IAI Papers. 2020. P 5, 7.

¹⁷ United Nations Interim Force in Lebanon, Временные силы ООН в Ливане.

¹⁸ Rapporto 2020. Le scelte di politica estera // Gruppo di riflessione strategica, Unità di analisi e di programmazione. Ministero degli Affari Esteri, 2020. P. 62, 64.

янская Республика, она отказалась от его подписания, поскольку большинство партий правоцентристской коалиции, находившейся тогда у власти, выступили против, сведя на нет двухлетнюю дипломатическую работу [Шогунц 2019: 101–102; Scissa 2020: 155–159].

Это не первый случай, когда миграционная политика Рима противоречит его инициативам на платформе ООН. В 2014 г. Италия завершила морскую миссию *Mare Nostrum*, целью которой было спасение беженцев и мигрантов в Средиземном море, что вызвало обеспокоенность со стороны Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ)¹⁹. В том же году страна поддержала резолюцию Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам беженцев, которая содержала следующий пункт: «выражает озабоченность по поводу гибели на море значительного числа лиц, которые в поисках убежища пытались перебраться в более безопасные места»²⁰.

В 2018 г. в отношении Италии резко высказалась Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет. По её словам, в стране резко возросло число случаев насилия и дискриминации в отношении мигрантов²¹. Подобное заявление негативным образом отражается на репутации Рима как одного из лидеров защиты прав человека. Хотя тематика миграции не относится напрямую к компетенции СБ ООН, она наглядно демонстрирует несоответствие между целями и результатами.

Деятельность Италии в Совете Безопасности не позволяет говорить об уникаль-

ной роли, которую страна играет в этом органе ООН. Несмотря на особое внимание, которое Италия придаёт определённой «нишевой» тематике на площадке этого органа (миротворчество, миграция), её инициативы зачастую оказываются нереализованными или не приводят к желаемым результатам, а показатели соавторства резолюций не отличаются от других непостоянных членов СБ.

Политика Италии в Генеральной Ассамблее ООН

Для анализа итальянской политики в ГА ООН следует обратиться в первую очередь к голосованию по традиционным резолюциям Италии, которые она регулярно вносит на рассмотрение. К ним можно отнести 11 наименований:

1. Укрепление Программы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, в особенности её потенциала в сфере технического сотрудничества (2007–2023);
2. Доклад Международного уголовного суда (2005–2022);
3. Доклад Международного агентства по атомной энергии (1991–2021);
4. Роль алмазов в разжигании конфликтов (2000, 2002–2007, 2010, 2012–2014, 2016–2021, 2023);
5. Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира (2013–2019);
6. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединённых Наций (1993–2023);

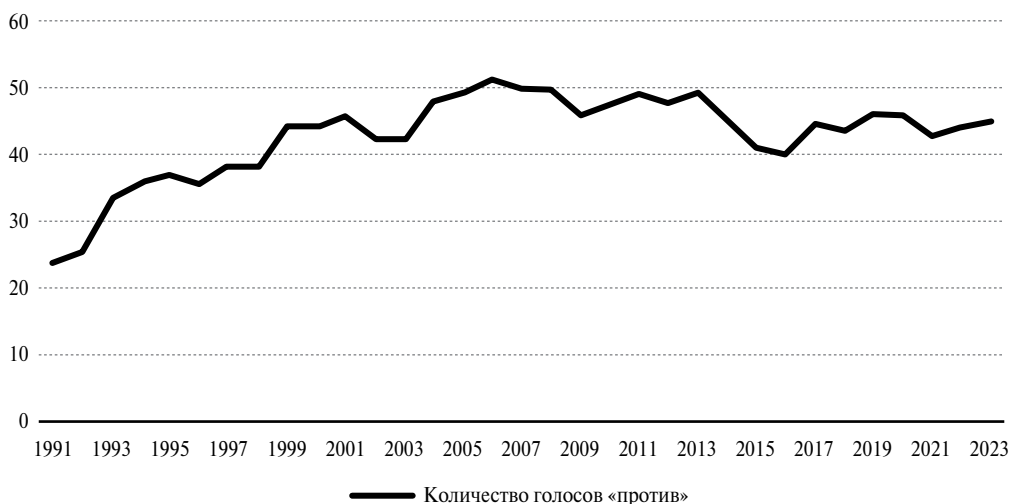
¹⁹ Italy's decision to end Mare Nostrum will put the lives of thousands of migrants and refugees at risk // The Independent. 24.10.2014. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/letters/italy-s-decision-to-end-mare-nostrum-will-put-the-lives-of-thousands-of-migrants-and-refugees-at-risk-9815643.html> (accessed: 01.05.2022); ECRE & UNHCR concerned over ending of Mare Nostrum without European rescue initiative to replace it // European Council on Refugees and Exiles. 24.10.2014. URL: <https://ecre.org/ecre-a-unhcr-concerned-over-ending-of-mare-nostrum-without-european-rescue-initiative-to-replace-it/> (accessed: 01.05.2022).

²⁰ Доклад Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев, вопросы, касающиеся беженцев, возвращенцев и перемещённых лиц, и гуманитарные вопросы. Третий комитет, Шестидесят девятая сессия, Генеральная Ассамблея. A/C.3/69/L.54. 31.10.2014. (дата обращения: 01.05.2022).

²¹ Глава МИД Италии огорчён заявлением комиссара ООН по мигрантам // РИА Новости. 11.09.2018. URL: <https://ria.ru/20180911/1528286444.html> (дата обращения: 01.05.2022).

Рисунок 1

Среднее количество голосов «против», поданных при голосовании Италии «против» в ГА ООН (1991–2023)

Источник: составлено авторами по данным Цифровой библиотеки ООН.

7. Контроль над обычными вооружениями на региональном и субрегиональном уровнях (1996–1998, 2000–2002, 2005, 2011, 2013–2017);

8. Упрочение мира посредством практических мер в области разоружения (1997–2002, 2004, 2006, 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018);

9. Помощь в деятельности, связанной с разминированием (1993–2021, 2023);

10. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1994–2023);

11. Мораторий на смертную казнь (2007–2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018, 2020, 2022).

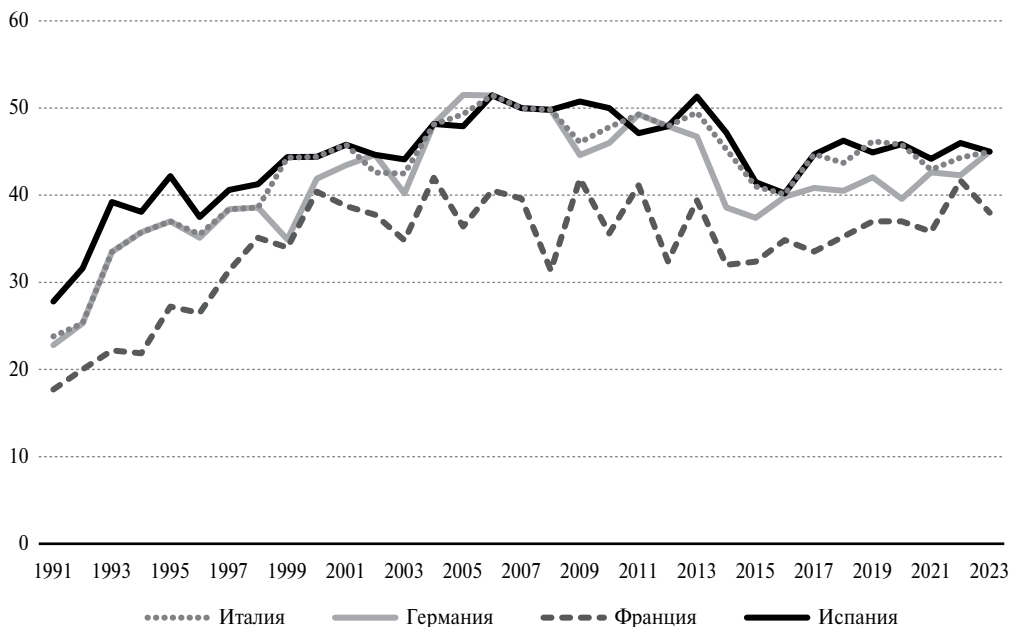
Примечательно, что из 11 резолюций голосование, как правило, проводилось лишь по трём – мораторию на смертную казнь, контролю над обычными вооружениями и Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Все остальные проекты практически всегда принимались без голосования, поскольку у стран не было возражений. По каждой из трёх тем наблюдается рост числа голосов «за»: по мораторию на смертную казнь

со 104 голосов (2007 год) до 125 голосов (2022), по контролю над обычными вооружениями со 164 голосов (1996) до 184 голосов (2017), по ДВЗЯИ со 158 (1996) до 181 (2023). Увеличивается также среднее число голосов «против» в ГА ООН, когда «против» голосует Италия, что показано на графике выше (рис. 1). Если подобная тенденция относится исключительно к совместному с Италией голосованию «против», то она действительно выделяет её из ряда других европейских государств.

График составлен на основе среднего арифметического значения при суммировании голосов «против» за каждый проект резолюции в Генеральной Ассамблее ООН, поданный в течение календарного года. Отрицательное голосование показательно, поскольку оно чётко демонстрирует особую позицию государства. Традиционно в ГА принимается намного больше резолюций, чем отклоняется²², поэтому при общем анализе голосования «за» изменения в количестве голосов не будут столь ярко выражены.

²² В том числе без голосования или в отсутствие голосов «против».

Рисунок 2
Сравнение совместного голосования «против» в ГА ООН (1991–2023)

Источник: составлено авторами по данным Цифровой библиотеки ООН.

Вместе с тем консолидация стран при совместном с Италией голосовании «против» и увеличение числа голосов за традиционные итальянские резолюции отражают скорее общий европейский тренд, нежели рост влияния этой страны в Генеральной Ассамблее ООН. Если сравнить этот показатель с другими ведущими европейскими державами, мы увидим, что у всех государств наблюдается не только рост сплочённости, но и схожая динамика совместного голосования «против» (рис. 2). Методология графического анализа при этом остаётся такой же, как и в случае с Италией. Тем самым рассматриваемые субъекты привлекали примерно одинаковое количество сторонников и сами голосовали совместно по многим вопросам. Франция, в отличие от других стран, в некоторых случаях склонна голосовать против тех резолюций, которые не вызывают возражения у большинства других государств. Этим обстоятельством объясняют-

ся колебания, зафиксированные на рис. 2. Таким образом, тенденция роста числа голосов «против» в равной степени относится и к другим европейским государствам, что не выделяет Италию из их числа.

Приведённый график отражает важный феномен, который можно охарактеризовать как «европеизация» политики государств-членов ЕС в ООН. Последние с течением времени всё больше консолидируют свои позиции в Генеральной Ассамблее при помощи совместного голосования [Burmester, Jankowski 2014: 1]. Более того, эффект европеизации проявляется и в проектах резолюций, в том числе традиционных для Италии. Государства-члены ЕС подают их совместно, выступая соавторами: практически во всех представленных выше 11 документах в качестве составителей выступают другие государства Союза, помимо итальянской стороны. Исключение составляет резолюция о предотвращении преступности, которую Рим традици-

онно выносит единолично, и по контролю над обычными вооружениями, где Итальянская Республика является единственным государством-автором из Евросоюза.

Для Италии углубление европеизации даёт возможность продвижения своих национальных интересов, поскольку европейская интеграция выступает одной из основ итальянской внешней политики. Страна даже в некоторой степени способствует этому процессу. Она чрезвычайно редко отклоняется от большинства стран ЕС при голосовании в ГА ООН и никогда не голосовала «против» или воздерживалась одна, в то время как остальные европейские страны занимали другую позицию. Когда из-за отсутствия консенсуса среди государств-членов Европейского союза появлялась возможность проголосовать самостоятельно, Рим практически никогда не отклонялся от курса остальных участников объединения [Birnberg 2009: 169, 232–233]. Таким образом Итальянская Республика де-факто способствует сохранению европейской коалиции, а не выбивается из неё, о чём могли бы свидетельствовать уникальные для Италии характеристики поведения в ООН [Monteleone 2019: 75, 79]. Подобная тактика ставит Италию в один ряд с другими европейскими государствами, размывая её особый нишевый статус, который страна стремится приобрести для укрепления своего веса.

* * *

Проведённый анализ итальянского политического курса в рамках ключевых органов ООН и наиболее важных инициатив показал, что существующий подход Италии к этой организации характеризуется дисбалансом между значимостью многосторонней политики и её реальными результатами. Во всех случаях Рим действительно находился в русле выявленных ранее внешнеполитических приоритетов. Между тем на практике такая политика зачастую не приводила к желаемым результатам, как в случае с инициативами в области миграции и миротворческой деятельностью. Отсутствие успехов в данных сфе-

рах объясняется совокупностью различных факторов, в частности внутривнутриполитическими разногласиями и слабой оценкой эффективности существующего курса при политическом консенсусе, как в случае с тематикой миротворчества.

Результаты исследования позволяют заключить, что инициативность Италии как в Совете Безопасности, так и в Генеральной Ассамблее не представляется уникальным явлением.

К характерным чертам итальянской политики на платформе ООН следует отнести коалиционную активность. Она проявляется не только в готовности корректировать свою позицию и голосовать солидарно с остальными европейскими странами ради достижения максимально возможного консенсуса. Речь идёт также и о стремлении Италии играть ведущую роль в различных переговорных группах, например созданной по итальянской инициативе группе «Объединившиеся ради консенсуса» (*Uniting for Consensus*). Среди прочего Рим фокусируется на определённых темах, в первую очередь на миграции и миротворчестве.

Отличительной негативной характеристикой подхода страны не только к реализации национальных интересов на площадке ООН, но и к многосторонним институтам в целом стал обозначенный выше дисбаланс между целями и результатами, который авторы называют самообманом. Итальянская сторона начала воспринимать некоторые цели как а priori важные и сами по себе приводящие к результативной внешней политике. Подобное искажённое восприятие оказалось сопряжено с центральной ролью многосторонних институтов во внешней политике Рима, которые страна видит в качестве ключевого инструмента для реализации своих национальных интересов.

Выводы данной работы следует рассматривать в контексте дискуссии о политике средних держав в многосторонних институтах. Предполагается, что обозначенная авторами проблема в категоризации держав среднего уровня не только через положительные характеристики, но и критиче-

ские будет способствовать дальнейшей научной дискуссии и более глубокому изучению поведения этой группы государств. Выведенный на примере Италии феномен самообмана представляет собой не только

отправную точку для анализа деятельности других средних держав, но и расширяет понятийный аппарат в сфере исследования когнитивных искажений в политике отдельных государств.

Список литературы

- Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. №3. С. 25–40. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10034>
- Маслова Е.А. Современная политика Италии в урегулировании конфликта на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №6. С. 241–247.
- Салаконе А. Италия – «мост» между блоками во время вьетнамской войны // Современная Европа. 2017. №3 (75). С. 91–101.
- Шорунц А.В. Почему Италия против Глобального договора о миграции? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. №2. С. 99–105.
- Aydin U. Emerging middle powers and the liberal international order // International Affairs. 2021. Vol. 97. No. 5. P. 1377–1394. <https://doi.org/10.1093/ia/iab090>
- Behringer R.M. The dynamics of middlepowermanship // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations. 2013. Vol. 14. No. 2. P. 9–22.
- Birnberg G. The Voting Behaviour of the European Union Member States in the United Nations General Assembly. A thesis submitted to the Department of Government of the London School of Economics for the degree of Doctor of Philosophy. London, 2009. 270 p.
- Botero G. Della ragion di stato, libri dieci. Con tre Libri delle cause della Grandezza, e Magnificenza delle Città. Di Giovanni Botero Benese. Ferrara: appresso Vittorio Baldini stampator Ducale, 1590. 114 p.
- Boutros-Ghali B. An Agenda for Peace. Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-keeping. New York: United Nations, 1992. 53 p.
- Burmester N., Jankowski M. The EU in the United Nations General Assembly. A Comparative Perspective. Paper prepared for the 4th European Union in International Affairs Conference, May 22nd – May 24. Brussels, Belgium, 2014. 25 p.
- Carr A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach // Australian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68. No. 1. P. 70–84. <https://doi.org/10.1080/10357718.2013.840264>
- Chapnick A. The Middle Power // Canadian Foreign Policy Journal. 1999. Vol. 7. No. 2. P. 73–82. <https://doi.org/10.1080/11926422.1999.9673212>
- Cox R.W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // International Journal. 1989. Vol. 44. No. 4. P. 823–862. <https://doi.org/10.1177/002070208904400405>
- Efstathiopoulos C. Middle Powers and the Behavioural Model // Global Society. 2018. Vol. 32. No. 1. P. 47–69. <https://doi.org/10.1080/13600826.2017.1351422>
- Emmers R. The Role of Middle Powers in Asian Multilateralism // Asia Policy. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 42–47. DOI: 10.1353/asp.2018.0060
- Gilley B. Conclusion: Delusions of Grandeur in the Goldilocks Zone // International Journal. 2016. Vol. 71. No. 4. P. 651–658. DOI: 10.1177/0020702016684859
- Glazebrook G. The Middle Powers in the United Nations System // International Organization. 1947. Vol. 1. No. 2. P. 307–315.
- Holbraad C. Middle Powers in International Politics. London: Macmillan Press, 1984. 234 p.
- Holbraad C. The Role of Middle Powers // Cooperation and Conflict. 1971. Vol. 6. No. 1. P. 77–90. <https://doi.org/10.1177/0010836771006001>
- Holmes J. Most Safely in the Middle // International Journal. 1984. Vol. 39. No. 2. P. 366–388.
- Jervis R. Understanding Beliefs // Political Psychology. 2006. Vol. 27. No. 5. P. 641–663.
- Keohane R. 'Lilliputian Dilemmas: Small States in International Politics' // International Organization. 1969. Vol. 23. No. 2. P. 291–310. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002081830003160X>
- Mearsheimer J. Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics. Oxford: Oxford University Press, 2011. 141 p.
- Mo J. South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles // International Journal. 2016. Vol. 71. No. 4. P. 587–607.
- Monteleone C. Italy in Uncertain Times. Europeanizing Foreign Policy in the Declining Process of the American Hegemony. London: Lexington Books, 2019. 206 p.

- Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War / ed. by A.F. Cooper. London: Macmillan Press, 1997. 221 p.
- Romero F. Rethinking Italy's Shrinking Place in the International Arena // *The International Spectator*. 2016. Vol. 51. No. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.1080/03932729.2016.1108613>
- Scissa C. Fleeing from the Global Compact for Migration: A missed opportunity for Italy // *Border Crossing*. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 155–174. DOI: <https://doi.org/10.33182/bc.v10i2.1110>
- Silvestri S. Il sistema Italia. Gli interessi nazionali italiani nel nuovo scenario internazionale. Milano: F. Angeli, 1997. 264 p.
- Teo S. Middle Powers in Asia Pacific Multilateralism. A Differential Framework. Bristol: Bristol University Press, 2023. 203 p.
- The European Union at the United Nations. Intersecting Multilateralisms / ed. by K. Verlin Laatikainen, K.E. Smith. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 232 p.
- Thies C., Angguntari C. Sari. A Role Theory Approach to Middle Powers: Making Sense of Indonesia's Place in the International System // *Contemporary Southeast Asia*. 2018. Vol. 40. No. 3. P. 397–421. DOI: 10.1355/cs40-3c
- Un ricordo di Pietro Quaroni, Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale / ed. by S. Baldi. Rome: UNAP press, 2014. 102 p.

THE BEHAVIOR OF MIDDLE POWERS IN MULTILATERAL INSTITUTIONS

THE EXPERIENCE OF ITALY'S POLICY IN THE UNITED NATIONS*

ELENA MASLOVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia
Institute of Europe, Moscow, 125009, Russia

GLEB IVANOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article analyzes the behavior of middle powers in multilateral institutions, using the example of Italy's participation in the United Nations as a case study. By employing the behavioral approach in middle powers studies, the authors emphasize the importance of multilateral institutions in their foreign policy. The article demonstrates that the behavior of middle powers can be characterized by positive attributes as well as inherent risks. It is argued that a common cognitive distortion among these states is the tendency to overestimate their influence in multilateral institutions. This discrepancy between policy goals and outcomes, coupled with a reliance on immutable principles, is dubbed "self-delusion". The purpose of this article is to identify cognitive distortions derived from Italy's reliance on multilateral institutions and to extrapolate the findings to the behavior of other middle powers. The central research question is: How does the prioritization of multilateral formats affect the behaviour of middle powers? Italy serves as a pertinent example for testing the hypothesis. The country elevates multilateralism to the level of a foreign policy doctrine, making it an ideal case for analyzing "self-delusion," given the central role of multilateral institutions in Italian foreign policy. The analysis of Italy's behavior at the UN Security Council and the UN General Assembly reveals that its active engagement in the UN activities does not distinguish it significantly from other leading European states while the promotion of prioritized initiatives often did not yield practical results. The article questions the assertion that Italian policy at the UN effectively

strengthens Italian heft in the international arena, as claimed by Italian officials. The findings of this paper contribute to a broader discussion about the behavior of middle powers on the international stage. Italy's policy at the UN seems to be an illustrative case, reflecting not only the Italian approach, but also the general trends in the behavior of middle powers in multilateral institutions, including the overestimation of their influence in international organizations.

Keywords:

middle powers; multilateral institutions; Italy; Italian foreign policy; United Nations; multilateralism

References

- Aydin U. (2021). Emerging middle powers and the liberal international order. *International Affairs*. Vol. 97. No. 5. P. 1377–1394. <https://doi.org/10.1093/ia/iab090>
- Baldi S. (ed.) (2014). *Un ricordo di Pietro Quaroni*. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Rome: UNAP press. 102 p.
- Behringer R.M. (2013). The dynamics of middlepowermanship. *Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations*. Vol. 14. No. 2. P. 9–22.
- Birnberg G. (2009). *The Voting Behaviour of the European Union Member States in the United Nations General Assembly*. A thesis submitted to the Department of Government of the London School of Economics for the degree of Doctor of Philosophy. London. 270 p.
- Botero G. (1590). *Della ragion di stato, libri dieci. Con tre Libri delle cause della Grandezza, e Magnificenza delle Città*. Di Giovanni Botero Benese. Ferrara: appresso Vittorio Baldini stampator Ducale. 114 p.
- Boutros-Ghali B. (1992). *An Agenda for Peace. Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-keeping*. New York: United Nations. 53 p.
- Burmester N., Jankowski M. (2014). *The EU in the United Nations General Assembly. A Comparative Perspective*. Paper prepared for the 4th European Union in International Affairs Conference, May 22nd – May 24th. Brussels, Belgium. 25 p.
- Carr A. (2014). Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach. *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 68. No. 1. P. 70–84. <https://doi.org/10.1080/10357718.2013.840264>
- Chapnick A. (1999). The Middle Power. *Canadian Foreign Policy*. 1999. Vol. 7. No. 2. P. 73–82. <https://doi.org/10.1080/11926422.1999.9673212>
- Cooper A. (ed.) (1997). *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. London: Macmillan Press. 221 p.
- Cox R.W. (1989). Middlepowermanship, Japan, and Future World Order. *International Journal*. Vol. 44. No. 4. P. 823–862. <https://doi.org/10.1177/002070208904400405>.
- Efstathiopoulos C. (2018). Middle Powers and the Behavioural Model. *Global Society*. Vol. 32. No. 1. P. 47–69. <https://doi.org/10.1080/13600826.2017.1351422>
- Emmers R. (2018). The Role of Middle Powers in Asian Multilateralism. *Asia Policy*. Vol. 13. No. 4. P. 42–47. DOI: 10.1353/asp.2018.0060
- Gilley B. (2016). Conclusion: Delusions of Grandeur in the Goldilocks Zone. *International Journal*. Vol. 71. No. 4. P. 651–658. DOI: 10.1177/0020702016684859
- Glazebrook G. (1947). The Middle Powers in the United Nations System. *International Organization*. Vol. 1. No. 2. P. 307–315.
- Holbraad C. (1984). *Middle Powers in International Politics*. London: Macmillan Press. 234 p.
- Holbraad C. (1971). The Role of Middle Powers. *Cooperation and Conflict*. Vol. 6. No. 1. P. 77–90. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836771006001>
- Holmes J. (1984). Most Safely in the Middle. *International Journal*. Vol. 39. No. 2. P. 366–388.
- Jervis R. (2006). Understanding Beliefs. *Political Psychology*. Vol. 27. No. 5. P. 641–663.
- Keohane R. (1969). 'Lilliputian Dilemmas: Small States in International Politics'. *International Organization*. Vol. 23. No. 2. P. 291–310. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002081830003160X>
- Laatikainen K.V., Smith K.E. (eds) (2006). *The European Union at the United Nations. Intersecting Multilateralisms*. New York: Palgrave Macmillan. 232 p.
- Maslova E. A. (2011). Sovremennaya politika Italii v uregulirovanii konflikta na Blizhnem Vostoke [Italian Contemporary Politics in the Middle East Peace Process]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 6. P. 241–247.
- Mearsheimer J. (2011). *Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics*. Oxford: Oxford University Press. 141 p.
- Mo J. (2016). South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles. *International Journal*. Vol. 71. No. 4. P. 587–607.

- Monteleone C. (2019). *Italy in Uncertain Times. Europeanizing Foreign Policy in the Declining Process of the American Hegemony*. London: Lexington Books. 206 p.
- Romero F. (2016). Rethinking Italy's Shrinking Place in the International Arena. *The International Spectator*. Vol. 51. No. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.1080/03932729.2016.1108613>
- Salacone A. (2017). Italiya – “most” mezhdublokmami vo vremya vьетnamskoy voyny [Italy – a “Bridge” between the Military Alliances during the Vietnam War]. *Sovremennaya Evropa*. №3 (75). P. 91–101.
- Scissa C. (2020). Fleeing from the Global Compact for Migration: A missed opportunity for Italy. *Border Crossing*. Vol. 10. No. 2. P. 155–174. DOI: <https://doi.org/10.33182/bc.v10i2.1110>
- Shogunts A.V. (2019). Pochemu Italiya protiv Global'nogo dogovora o migratsii? [Why Italy Is Against Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration?]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*. No. 2. P. 99–105.
- Silvestri S. (1997). *Il sistema Italia. Gli interessi nazionali italiani nel nuovo scenario internazionale*. Milano: F. Angeli. 264 p.
- Teo S. (2023). *Middle Powers in Asia Pacific Multilateralism. A Differential Framework*. Bristol: Bristol University Press. 203 p.
- Thies C., Sari A.C. (2018). A Role Theory Approach to Middle Powers: Making Sense of Indonesia's Place in the International System. *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 40. No. 3. P. 397–421. DOI: 10.1355/cs40-3c
- Vershinina V.V. (2020) «Derzhavy srednego urovnya» v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: sravnitel'nyy analiz kontseptual'nykh podkhodov [Middle Powers in International Relations: Comparative Analysis of Conceptual Approaches]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 11. No. 3. P. 25–40.